

«УТВЕРЖДАЮ»
ДИРЕКТОР ФГБУН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

А.К. АЛИКБЕРОВ

«4» августа 2025 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ДИССЕРТАЦИЮ
В.М. МОРОЗОВА «КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ
АКТОРЫ В КОНФЛИКТАХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (на примере
ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ)» НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.6.7 –
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ**

Представленная к рецензированию диссертация посвящена, вне всякого сомнения, актуальной и при этом до сих пор еще недостаточно исследованной в отечественной науке теме.

В последней трети XX века, и особенно после 1991 г., в науке о международных отношениях довольно широко стала обсуждаться проблема размывания суверенитетов национальных государств, формирования и укрепления альтернативных им участников международных отношений (МО), так называемых негосударственных акторов. Усиление их роли, с одной стороны, можно было зафиксировать чисто эмпирически. Однако с другой стороны, совершенно неясным оставалось и что собой представляют эти негосударственные акторы (до какой степени вообще справедливо объединять чрезвычайно разные в сущностном отношении структуры под этим общим названием), и как именно может выстраиваться их интеграция в

изначально государствоцентричную систему МО. Со второй половины второго десятилетия текущего века и особенно в последние годы тезис о снижении значимости государств стал звучать реже – в связи с рядом экономических кризисов, пандемией COVID-19, резким обострением всей международной ситуации после ее окончания стало создаваться впечатление, что государства вернули себе статус, если не единственных, то ключевых акторов. Является ли это долгосрочным трендом или временной флуктуацией, пока что сказать нельзя.

В тот же период времени – в конце предыдущего и в нынешнем столетии – целый ряд государств Азии и Африки столкнулись с затяжными кризисами госуправления и/или оказались в эпицентре затяжных в той или иной степени интернационализированных конфликтов (Афганистан, Ирак, Сирия, Ливан, Йемен, Ливия и др.), что отразилось в формировании концепций «несостоявшихся государств» (failed states), «хрупких государств» (fragile states) и «состояний хрупкости» (states of fragility). На территориях, где была утрачена монополия на легитимное насилие центральной власти, начали возникать квазигосударственные образования самого разного толка. Среди них и племенные объединения, и религиозно-политические структуры, и зоны, контролируемые различными милициями, бандформированиями или полевыми командирами. В большинстве случаев такого рода структуры, не получая постоянной внешней поддержки, оказывались весьма хрупкими. Однако иногда они демонстрировали удивительную политическую состоятельность. Более того, некоторые из них проявляли способность эффективно взаимодействовать с центральными властями, интегрируясь в политические системы, и одновременно вступая во взаимодействие с другими странами на международной арене. Трем таким случаям и посвящена диссертация В.М. Морозова – ХАМАС, Хизбалле и ИГ¹.

¹ Здесь и далее ИГИЛ решением Верховного Суда РФ от 29 октября 2014 г. N АКПИ14-1424С – признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

В период подготовки диссертационного исследования эти три организации играли весьма значимые роли на международной арене. Резкое ослабление всех трех организаций было достигнуто в результате военных действий со стороны внешних сил. В случае с ИГ – это были параллельные кампании двух (а формально – трех) международных коалиций, в случае с ХАМАС и Хизбаллой – военные операции Израиля. При этом ни в одном из трех случаев говорить о полном уничтожении этих образований не приходится – сохраняются частично их организационные структуры, финансовые, военные, и политико-идеологические ресурсы. Вопрос о возможности возрождения этих образований сегодня остается открытым. Все сказанное объясняет необыкновенную актуальность диссертации В.М. Морозова, прежде всего, с практической стороны. Однако она обладает и более теоретической актуальностью. Пройденный указанными организациями путь, их способность выстраивать собственные политические структуры и выступать в роли самостоятельных участников международных отношений заставляет вновь поставить вопрос о нашем понимании государственности и возможных траекториях ее развития. При том, что каждой из организаций в мировой научной литературе посвящен довольно большой объем исследований, сравнению их между собой внимания уделялось не очень много. Еще меньше было попыток рассматривать их именно как квазигосударственных акторов, а не просто как экстремистские организации. Что касается отечественной научной литературы, то в ней вообще эти организации относительно редко становились предметами специальных монографических исследований. Таким образом, научная новизна диссертации также сомнений не вызывает.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Последние включают в себя тексты «Открытого письма угнетенным Ливана и народам всего мира (Манифеста Хизбаллы)» и «Документа об основных принципах и политике Движения исламского сопротивления ХАМАС» в авторском переводе.

Объемное введение к диссертации содержит в себе все необходимые элементы. Корректно определены объект и предмет исследования, сформулирован исследовательский вопрос, обозначены цель и задачи исследования.

Гипотеза исследования представляется вполне обоснованной и интересной. То обстоятельство, что резкое изменение военно-политической ситуации на Ближнем Востоке уже после окончания работы соискателя над его исследованием лишили нас возможности проверить на практике верность его предположений, сами эти предположения ни в коей мере ценности не лишает. Действительно, все развитие ИГ, ХАМАС и Хизбаллы в предыдущие годы и десятилетия делало вывод по наиболее полной готовности последней к полной интеграции в ливанскую политическую систему (или конвергенцию двух систем) вполне обоснованным. Точно также обоснованы и соображения автора о способности ХАМАС и ИГ к восстановлению своего потенциала.

Теоретико-методологическая основа исследования описана довольно формально. В первой главе работы автор предлагает гораздо более интересные теоретические соображения, чем те, которые он посчитал нужным упомянуть во введении.

Заслуживает пристального внимания подробнейшее описание источниковой и историографической основ исследования. В случае с источниковой базой, разумеется, существуют некоторые проблемы: во-первых, статус ИГ как запрещенной в России организации и включенность документов и изданий организации в список экстремистской литературы, во-вторых, объективная недоступность основной массы внутренних документов организаций, непрозрачность их систем управления, в-третьих, объективный дефицит первичных источников по внутренней жизни на территориях, контролируемых рассматриваемыми структурами. Все это, конечно, не вина докторанта – ему приходилось работать с тем источниковым материалом, который был ему доступен.

Российские внешнеполитические документы, документы ООН (ГА, СБ, УКГВ, БАПОР и др.), Всемирного Банка, некоторые тексты отцов-

основателей рассматриваемых организаций, тексты идеологов политического ислама, речи, интервью, проповеди и воззвания духовных лидеров и представителей высшего политического и военного руководства Хизбаллы, ХАМАС и ИГ, материалы СМИ и т.д. в совокупности дают достаточно материала для исследования заявленной темы. Особенно ценно использование автором некоторых документов организаций, ранее редко анализировавшихся в отечественной литературе, а также аналитические материалы отечественных дипломатов.

Историографическая база исследования описана чрезвычайно подробно (ок. 40 страниц). Уже в этом анализе мировой научной литературы по исследуемой проблематике автор выходит на уровень теоретического рассмотрения проблемы (в частности, определяя рассматриваемые структуры как несостоявшиеся государства (это спорно, поскольку Хизбалла и не пыталась состояться в качестве отдельного государства) и как государства-изгои). В структурном плане, вероятно, было бы удачнее вынести эти теоретические рассуждения либо в соответствующий раздел введения, либо в первую главу, но в содержательном отношении все это весьма интересно.

Учитывая огромный объем опубликованной в мире литературы, посвященной ХАМАС, Хизбалле и ИГ, конечно, невозможно ожидать хоть сколь-нибудь полного ее историографического исследования. В целом, объем изученных материалов представляется вполне достаточным для раскрытия темы, хотя и вызывает сожаление, что среди них практически нет публикаций на арабском, иврите или французском языках.

Апробация исследования представляется достаточной, положения, выносимые на защиту интересны, и соответствуют как методологическим разделам работы, так и ее основному содержанию.

Структура исследования возражений не вызывает.

Первая глава работы посвящена теоретическому осмыслению проблемы анализа Хизбаллы, ХАМАС и ИГ как квазигосударственных акторов.

При том, что в целом предлагаемая автором логика рассуждений и доказательная модель возражений не вызывает, а с основными выводами по этой главе вполне можно согласиться, некоторые выдвигаемые тезисы все же представляются либо спорными, либо не вполне продуманными.

В частности, автор пишет об антизападном характере национализма, который играл «доминирующую роль в процессе формирования государственного строительства в послевоенный период во второй половине XIX века» в регионе. Однако тезис академика В.В. Наумкина, на которого здесь ссылается В.М. Морозов, нуждается в уточнении. Этот национализм был антизападным по форме, поскольку был направлен против колониального угнетения. Однако он вовсе не был антизападным по своему основному содержанию: во-первых, сама концепция национализма была концепцией западной и ее распространение на Ближнем Востоке было связано с усвоением общественными элитами региона широкого круга идей, ей сопутствовавших, во-вторых, можно привести значительное число примеров антиколониального, но в то же время вполне прозападного национализма в регионе – от Х. Бургибы до А. Сааде. Проще говоря, политические лидеры первых лет независимости стремились построить не какие-то антизападные, по существу, политические системы, но системы вполне себе западного типа (демократического, авторитарного или (реже) тоталитарного), соответствовавшие западным представлениям о государственности. Соответственно их отказ от демократии, соблюдения прав человека, политического плюрализма и т.д. нельзя рассматривать как результат этого антизападничества. В конце концов, и в западном мире на тот момент или всего десятилетием ранее действовали политические режимы, от всех этих ценностей весьма далекие (Испания, Португалия, Греция, а до того – Германия и Италия, Франция в период Виши, послевоенная Восточная Европа и т.д.).

Во-вторых, вызывает некоторые сомнения предлагаемое автором определение негосударственных акторов: «субъект структуры

международных отношений, обладающий транснациональностью и способностью влиять на мировые политические процессы, ресурсами, целями, стратегией, задачами, интересами, внутренней структурой, самостоятельностью в принятии решений, пользующийся официальным или неофициальным признанием других акторов и принадлежностью к определенной группе». Во-первых, непонятно, что в этом определении негосударственного (оно вполне применимо и к государствам), во-вторых, не очень ясно, что значит транснациональность.

Вторая глава диссертации посвящена Хизбалле. Автор начинает с краткого описания общей истории организации, затем переходит к анализу ее структуры, источников финансирования, военной инфраструктуры, к ее роли в политической системе Ливана, идеологии организации, ее отношениям с шиитской диаспорой за рубежом, участию в социально-экономическом развитии Ливана, деятельности организации в сирийском конфликте и в противостоянии ИГ, взаимодействию с ХАМАС. Наконец, последний параграф освещает политику России в отношении Хизбаллы.

Таким образом, по своей структуре глава предлагает довольно полное описание рассматриваемой организации. Учитывая специфику исследуемого объекта, естественно, глубина и точность изучения различных его аспектов неодинакова.

Так, исторический раздел носит прелиминарный характер, анализ структуры и финансирования организации по необходимости неполон. Понятно, что сам характер полузакрытого и не вполне формализованного сообщества не позволяет с точностью охарактеризовать его систему управления, а информация о финансировании, в основном, дается автором по внешним источникам, акцентирующим внимание на иранской поддержке Хизбаллы. Вывод автора о том, что «наблюдается устойчивый рост доходов «Хизбаллы» за счет развития рентабельности собственных каналов поступления финансовых ресурсов» представляется верным, однако, естественно, детализированно структура экономики партии изучена быть не

может. Разделы, посвященные идеологии организации, ее внешнеполитической деятельности и участию в ливанском политическом процессе весьма содержательны и интересны.

Ключевой вывод автора следующий: «Движение исламского сопротивления «Хизбалла» преодолевает стадию перехода из разряда силового квазигосударственного актора, все больше входя в положение полноценного государственного актора, имеющего достаточный военный, политический и социально-экономический потенциал, а также способность сдерживать серьезные внешние и внутренние вызовы».

В целом, он представляется доказанным, однако нуждается в уточнении: что именно автор имеет в виду под государственным актором в данном случае? Идет ли речь о внутригосударственном акторстве, то есть полной интеграции в политическую систему Ливана в качестве ее рядового участника (как другие партии), или же о международном акторстве, то есть о превращении Хизбаллы в государство? В последнем случае возникает вопрос о дальнейших ее отношениях с другими государственными образованиями, в том числе и Ливаном.

Третья глава работы посвящена ХАМАС. Описание истории организации здесь дано намного более подробно, чем в случае с Хизбаллой (в трех параграфах), отдельные параграфы посвящены анализу Хартии ХАМАС, структуре движения, его финансированию и военному потенциалу, российской политике в отношении движения. Таким образом, структура главы частично совпадает с предыдущей, что вполне объяснимо.

Безусловно удачными частями этой главы следует считать предложенный в ней анализ ключевых документов, а также предлагаемый автором взгляд на трансформацию движения. Предлагаемый автором вывод о том, что ХАМАС двигалось в направлении большей политической гибкости документально обоснован.

Вместе с тем, подобное движение к большей гибкости, очевидно, плохо сочетается с предпринятой ХАМАС террористической атакой 7 октября

2023 г. Вероятно, ее объяснение может быть связано как с существовавшими внутри организации расхождениями относительно ее дальнейшего развития, так и с известным в отношении исламистских структур феноменом так называемого двойного дискурса.

Кроме того, чувствуется нехватка изучения политики ХАМАС внутри сектора Газа в период его правления – из предложенной главы не вполне понятным остается, как именно движение осуществляло там свои государственные функции.

Наконец, четвертая глава диссертации повествует об ИГ. Как и в двух предыдущих случаях, автор начинает с исторического экскурса, переходит затем к описанию системы управления и идеологии организации, ее финансирования, военной мощи. Раздел о современном состоянии ИГ весьма информативен и интересен.

Несколько непонятно выглядит название параграфа «Террор под прикрытием религиозной риторики» – как по стилистике, так и по содержанию он несколько выбивается из общей логики главы и диссертации.

Параграф, посвященный идеологии ИГ, производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, в нем приводится весьма ценное изложение некоторых основополагающих документов организации. С другой стороны, прямое соотнесение идеологии ИГ с ваххабизмом, равно как и весьма упрощенное описание самого ваххабизма выглядят неубедительно. Строго говоря, в проповеди Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба не было ничего такого, что не соответствовало бы обычным положениям ханбалитского мазхаба, а подобных ему проповедников, призывавших избавиться от бид'а и обратиться к вере праведных предков в истории ислама было множество. Ключевые для ИГИЛ и его материнской организации – Аль-Каиды Междуречья – положения о джихаде как индивидуальной обязанности мусульманина, о необходимости подтверждения веры действием и о такфире восходят не к Ибн Абд ал-Ваххабу. Наконец, говоря об идеологии организации, стоило бы обратиться к трудам как ее сторонников из числа

факихов (в частности, к работам Бин ‘Али), так и к ее критикам, в том числе из числа тех факихов, которые в целом поддерживают радикальные исламистские группы (например, ал-Макдиси).

Как и в случае с ХАМАС, в этой главе чувствуется нехватка анализа непосредственной деятельности ИГ по управлению населением и территориями, которые находились под его контролем.

При всем при том, выводы по главе представляются разумными и аргументированными, в том числе, в их прогностической части.

В заключении к диссертации ВМ. Морозов подводит итоги исследования, отвечая на поставленные в начале задачи и суммируя выводы по главам, говорит о возможных направлениях дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики. Общие выводы возражений не вызывают, они представляются интересными, аргументированными и новыми.

Диссертационное исследование В.М. Морозова является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы изучения феномена квазигосударственных акторов в международных отношениях и региональном развитии Ближнего Востока, имеющей важное значение для науки о международных отношениях, истории и востоковедения.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук, согласно п. 2.1 раздела II (докторская) Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а ее автор, Морозов Владимир Михайлович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики.

Отзыв подготовлен доктором политических наук по специальности 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии, заместителем директора по

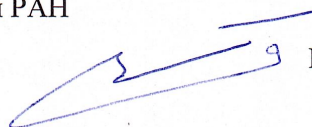
научной работе, заведующим Центром арабских и исламских исследований
ФГБУН Институт востоковедения РАН Кузнецовым Василием
Александровичем.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Центра арабских и исламских
исследований Института востоковедения РАН, протокол от № 8 от
04.08.2025 г.

Заместитель директора по научной работе,
Заведующий Центром арабских и исламских исследований
ФГБУН Институт востоковедения РАН

доктор политических наук

« 4 » августа 2025 г.

В.А. Кузнецов

Почтовый адрес организации: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения РАН

Контактный телефон: +7 (495) 625-64-61

Адрес электронной почты: office@ivran.ru

